

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н. А. СЕТНИЦКОГО И А. М. ГОРЬКОГО

Н. А. СЕТНИЦКИЙ — А. М. ГОРЬКОМУ

Вторая половина 1932 г.

*Черновое*¹

[Считаю] себя вправе говорить, что в первичном звене причинного ряда, приведшего к современной постановке вопроса о дождевании², я и мои друзья кое-что сделали. Мы исходили при этом из общего стремления внедрить в жизнь и осуществить на деле и практически то, что проповедывал Н. Ф. Федоров. И вот в 1923 году три человека, кроме меня, поставили передо мною общий вопрос об учении этого мыслителя и о необходимости распространить его широчайшим образом³. Это был единственный случай за всю мою жизнь, когда четыре человека, почти одинаково серьезно считавшие федоровское учение музыкой будущего, встретились вместе. Речь шла о том, что наша эпоха и происшедший на наших глазах переворот открывает широчайшие перспективы для создания грандиозных предприятий типа тех, о которых идет речь в философии общего дела. При это была выдвинута мысль о необходимости ознакомить с этим учением вождей коммунистической партии и через согласование его с учением Маркса поставить вопрос о разработке и о практическом проведении в жизнь его учений (трудовые армии, союз науки и труда, новые формы организации умственного труда, связь умственного и физического труда, использование речных систем России, атмосферная регуляция, борьба со смертью и т. д.). Однако такая общая постановка, выдвинутая одним из моих друзей⁴, встретила возражения, поскольку ясно было, что политические вожди в сущности неспособны привить ни одной мысли стране, поскольку ее нет в сознании самого населения, и с этой стороны такая прививка идей жизни бесплодна и способна скорее дискредитировать эти идеи, а не укрепить и расширить круг их распространения. В связи с этим

у нас создалось убеждение, что для данного момента представляется правильным фиксировать внимание не на всем круге идей Философии Общего Дела, а на отдельных задачах, которые выдвигал Н. Ф. Федоров, и среди них главное внимание было обращено нами на атмосферную регуляцию в том ее варианте, где шла речь о дождевании при помощи электричества.

Выполнение этой задачи привлечения внимания к проблеме дождевания взял на себя П. И. Иваницкий⁵, один из моих друзей, затративший на осуществление этого дела три трудных года. Сейчас в прессе, посвященной дождеванию, я не нахожу его имени, но это вполне естественно, если учесть тот тяжкий путь, который ему пришлось пройти, и то, что каждому из людей, сейчас делающих карьеру в связи с этим предприятием, неприятно вспоминать человека, который поставил перед ними эту задачу и которого они достаточно высокомерно осмеяли.

П. И. Иваницкий с большими трудностями пробил в 1923—24 году путь в НКЗем, где добился некоторого внимания к идее дождевания при помощи электричества⁶. Им было собрано все, что в это время можно было найти по вопросу о дождевании в литературе, за исключением постановок Федорова, ибо мы тогда считали, что упоминание этого имени преждевременно. Эти материалы были им сведены в доклад, который многократно представлялся кому следует в НКЗеме и его органах и в конце концов в результате настойчивости П. И. Иваницкого было созвано совещание из метеорологов и агрономов по вопросу о дождевании, где им был сделан доклад по собранным материалам и поставлен вопрос о необходимости разработки этой проблемы в целях борьбы с засухой. Все основные установки, которые сейчас встречаются в прессе в связи с проблемой дождевания, все те методы и ссылки на европейские и американские попытки в этой области, о которых говорят сейчас, кроме самых последних работ, имели место в этом докладе. Нечего и говорить, что как и в прежние времена еще при жизни Н. Ф. Федорова, так и теперь эта идея была встречена со стороны присяжных специалистов далеко не лестно, и П. И. Иваницкому, рискнувшему занять их внимание столь странными вещами, пришлось выслушать немало неприятных слов по своему адресу. При всем том, однако, ему удалось в окончательном итоге все же добиться того, что его «материалы» были изданы НКЗемом в виде отдельной брошюры, выпущенной издательством «Новая деревня»⁷. В ней, как и во всех докладах и сообщениях по этому делу, имя Н. Ф. Федорова вполне сознательно элиминировалось.

Я не располагаю в настоящее время экземпляром этой брошюры; она была конфискована у меня китайскими властями при переезде границ вместе с прочей советской литературой. Мой личный архив, если он уцелел, в настоящее время для меня недоступен.

Но я и по памяти могу утверждать, что большинство лиц, выступающих сейчас по вопросу о дождевании, так или иначе имели отношение или к НКЗему в те времена, когда П. И. Иваницкий обивал их пороги, или участвовали в упоминавшемся выше заседании, или были лично им посещены и одарены его брошюрой.

Все эти обстоятельства я позволил себе описать Вам потому, что в связи с настоящим положением вопроса о дождевании я намерен опубликовать небольшую работу на тему «Борьба с засухой и учение Н. Ф. Федорова об атмосферной регуляции»⁸. Я думаю, что современные руководители хозяйственной жизни Союза идут путем в значительнейшей степени предуказанным Н. Ф. Федоровым. Я думаю даже больше, что именно поэтому только они держатся и будут держаться, так как исполняют то, что завещано этим выдающимся человеком. Но, конечно, делая это вслепую, сами не зная того, куда и к чему ведут и выводят те пути, на которые им пришлось встать, они многое не только упускают, но даже прямо искажают во вред и себе, и стране, и будущему. С этой точки зрения мне думается, что пора привлечь их внимание к Федорову, тем более что сейчас уже доктринеров и далеких от практики людей, которые в начале прошлого десятилетия боялись всякого подозрения в отступлении от чисто формальных начал революционности, казавшихся им единospасающими, уже нет у кормила хозяйственной и политической жизни СССР. В то же время в ряде работ нашли себе, без упоминания имени, идеи Федорова и их можно считать уже внедренными в общее сознание, хотя пока что в смутном и непроясненном виде. И вот таким образом основной вопрос, по которому я хотел бы получить от Вас ответ, заключается в том, можно ли сейчас уже от крупнейших теперешних руководителей жизнью СССР ждать реального понимания тех великих и величественных проблем, которые ставил в свое время в полном одиночестве скромный работник библиотеки Румянцевского Музея или попрешнему от его имени будут шархаться, как от призрака, а всех решившихся говорить о нем будут хватать и проделывать с ними все то, что в таких случаях полагается. Мне приходится говорить об этом, т<ак> к<ак> если я буду печатать работу, о которой упомянуто выше, то, высказываясь сколько-нибудь серьезно о засухах и о тех путях, по которым должны идти все дела, связанные с дождеванием, мне совершенно нельзя обойти источник этих построений (Федорова) и по моральным соображениям, и по соображениям деловым, т<ак> к<ак> только зная предпосылки этого учения (борьба с природой и в конечном итоге со смертью), можно осмыслить и понять соответственные ученья; иначе они кажутся фантастикой даже при наших масштабах. С другой стороны, если у нас умы еще недостаточно созрели для восприятия этих мыслей и постановки этих задач, то, конечно, рациональнее всего ждать.

Года четыре тому назад, когда я имел смелость писать Вам в связи с 100-летним юбилеем со дня рождения Федорова (1928 год), в результате чего (смею думать) Вы бросили пару строк об этом авторе в одной из Ваших статей, помещенных в московской прессе⁹, несомненно ставить вопрос о нем перед советской аудиторией было, пожалуй (я готов сейчас это признать), и преждевременно и небезопасно, не для Вас, конечно, а для других. В результате этих упоминаний, повторенных вслед за Вами М. И. Калинин¹⁰, в «Известиях» появилась маленькая заметка биографического характера о Федорове¹¹. После этого по компетентному требованию некоего гражданина Знаменского было произведено расследование, как подобного рода зловерные мысли заползли в Вашу голову и как вообще упоминающая о Федорове и такая заметка могла появиться в нашей прессе. В результате из ничтожного количества лиц, которые непосредственно работали и работают над осуществлением идей Н. Ф. Федорова, число которых при личном общении со мною никогда не превышало трех, большая часть была арестована и выслана. Один из них, я думаю, известный Вам лично по встречам в 1928 году, добрый знакомый М. М. Пришвина, писатель А. К. Горностаев (Горский) по сейчас находится в ссылке и еще жив, а другой уже погиб¹². При всем том, конечно, ни тот, ни другой ни в какой мере не могли быть заподозрены ни в каком не только жесте, но даже и в помысле, направленном против властей предрержащих.

Конечно, такое положение не смущает и не может смущать ни меня, ни Горностаева. Последний раз в 1928 году встречаясь с ним¹³ и предвидя возможность этого рода печальных, но обычно неизбежных в большинстве случаев событий, мы выработали определенную формулу: «Преследуют, значит научатся следовать». Но сейчас в условиях, когда я один остаюсь ответственным за судьбы учения Н. Ф. Федорова, мне приходится взвешивать почти каждый мой шаг и думать о результатах при каждом упоминании этого имени.

Мы втроем всегда считали, что в Вашем лице мы имеем дело с крупнейшим после Толстого и Чехова писателем, из числа пишущих на русском языке, к тому же с писателем исключительно чутким ко всем основным вопросам человеческой жизни. В настоящее время Вы являетесь кроме того в моих глазах единственным человеком, хорошо и лично знающим современных главнейших руководителей политики и хозяйства СССР, и мне кажется естественным спросить именно Вас о том, насколько сейчас они способны воспринять и допустить распространение идей Федорова (хотя бы только в части, касающейся ученья об атмосферной регуляции). Ни я, ни мои друзья, из которых теперь остался только один, не являемся пустыми доктринерами, во что бы то ни стало

отстаивающими определенную формулировку в ущерб смыслу и существу дела. В свое время, не добиваясь признания в официальных кругах, мы все оказались в состоянии ряд федоровских постановок передвинуть из сферы чистой теории в область практики. Некоторые установки ЦИТ'а, современная постановка вопроса о умственном и физическом труде, некоторые наметки плана ныне осуществляемого Капитального строительства¹⁴ и много значительно меньших дел могут быть отнесены за счет наших попыток продвинуть ученье Н. Ф. Федорова в жизнь. Вопрос о дождевании — это только наиболее яркий пример, в котором участие наше к тому же может быть документировано. Я думаю, Вам приходилось слышать о внедрении в севооборот Союза культуры соевых бобов. Это дело, если вдуматься в него, отчетливо восходит к циклу задач, которые Н. Ф. Федоров на своем образном языке называл «продовольственным вопросом». С 1925 по 1928 год я принимал самое деятельное участие в деле внедрения в сознание ряда лиц необходимости для нас соевых бобов¹⁵, и непосредственно мной писались в это время на эту тему записки, доходившие до наших органов верховного управления, хотя мое имя нигде прямо не упоминалось, а самый начальный момент вынесения соевой проблемы на поверхность общественного обсуждения прямо связан с одним из моих выступлений в соответственном учреждении.

В какой мере все эти вопросы, связанные с именем Н. Ф. Федорова, актуальны, можно судить хотя бы по тому, что еще сегодня я подсчитывал, что осуществление одной мелкой идеи, восходящей к тому же циклу, за осуществление которой я боролся в течение двух с половиной лет, за первые полгода выполнения дало Союзу почти два миллиона золотых валютных рублей. Сам я сейчас в свободное время разрабатываю проект, связанный с столь близкой Федорову идеей орошения Туркестана и восстановления его ирригационной системы, план, который вместе с идеями «Большой Волги» позволит говорить о прямом водном пути из всех наших морей в центр Азии, в предгорья Памира¹⁶, в котором Философия Общего Дела видит могилу праотца рода человеческого. Конечно, проект этот, если только он пойдет надлежащим образом, будет осуществляться в 1934—35 годах и тогда он будет так же рекламироваться, как и многие другие. Я не говорю уже о том, что это предприятие включено в план капитального строительства СССР еще в 1924—25 году, причем и я имел к этому некоторое отношение.

И вот при таком положении я не могу не спросить: неужели же все эти дела на 14 году революции надо проводить из-под полы, скрывая источник, из которого они исходят из-за предрассудков, которые господствуют с этой стороны в руководящих кругах. Я думаю, что Сталин, который как никак все же получил церков-

ническое образование, способен больше чем кто-либо другой понять и осмыслить установки «Философии Общего Дела».

Я не говорю уже о том, что самая возможность фиксировать внимание хотя бы только на некоторых сторонах этого учения способна сильнейшим образом разрядить тяжелую атмосферу на религиозном фронте в отношении к православию в СССР, создав почву для самого серьезного и делового конкордата, что необычайно усилило бы наши позиции в ряде вопросов и смягчило бы имеющиеся место трудные и обостренные отношения на этой почве, которые, как Вы знаете, сильно вредят СССР за границей.

Я заканчиваю это растянувшееся письмо такими просьбами моими к Вам: я буду очень признателен за сообщение Вашего мнения по вопросам: 1) насколько идеи «Философии Общего Дела» в их прямом и неприкрытом виде могли бы быть в настоящее время сознательно положены в основу хозяйственного строительства Союза и 2) в какой мере появление работы, посвященной вопросам атмосферной регуляции, могло бы быть интересным в настоящее время для советского читателя, и 3) в какой степени имело бы смысл поставить вопрос о Федорове и о его мыслях о борьбе с природой перед советскими деятелями.

Должен сказать, что вот уже восемь лет я держу у себя в портфеле вполне законченные работы, связанные с проблемами, поставленными Философией Общего Дела в самых разных областях: философской, литературной, религиозной, научной и т. д., написанные как мною, так и моими друзьями, из коих один уже погиб, а другой в Соловках. Я публиковал только то, что казалось мне неотложным по обстоятельствам времени. В этих публикациях я руководился мыслью о том, что необходимо сохранить эти мысли, а сохранение их в одном экземпляре только в рукописях равносильно их гибели в наших условиях. При этом особенно нужно считаться с тем, что я в этом деле абсолютно одинок и не стремлюсь выйти из этого одиночества, так как образование группы лиц, хотя бы только сочувствующих взглядам Н. Ф. Федорова, равносильно обращению внимания на это дело тех, кому сие ведать надлежит и следующее за этим уничтожение и гибель тех материалов, которые я храню. Сейчас этому положению отчетливо приходит конец. Маньчжурия — снаряд, готовый разорваться¹⁷. Если взять историю распространения идей Философии Общего Дела, то уже дважды общественная и военно-политическая катастрофа губила побеги и ростки этого дела (1914 и 1917 годы)¹⁸. Вряд ли можно ждать третьего раза. Я боюсь, что мне придется заняться распространением этих взглядов независимо и вопреки мнениям советских кругов, с которыми я связан, и отсутствие в этом отношении сколько-нибудь ясной и авторитетной установки способно создать для меня весьма трудную дилемму личного порядка. Я абсолютно

чужд эмиграции, однако вопрос о тех отношениях, которые должны создаться на этой почве для меня исключительно сложен. Меня иногда даже соблазняет мысль о репрессиях. Они могли бы послужить прекрасной отговоркой и поводом для снятия с себя ответственности за то дело, которое несешь. С этой стороны, тюрьма и ссылка были бы освобождением от тяжелой ответственности в своих собственных глазах, но это не решение вопроса. Я убежден, что СССР идет по пути, предуказанному Н. Ф. Федоровым, и стыдно было бы умыть руки в этом деле, создавая условия, способствующие не прояснению сознания, а наоборот, затемнению его, тем самым задерживая этот процесс.

Я буду очень признателен Вам за ответ по существу поставленных мною вопросов, и я думаю, что Вы сейчас единственный человек, от которого можно ждать прямого и искреннего ответа по этому делу. Я думаю, что нет надобности посылать Вам издания вещей, связанных с Философией Общего Дела. В свое время я посылал их Вам.

Примите мои уверения в глубоком моем к Вам уважении и пожелания всяческого благополучия.

Н. А. СЕТНИЦКИЙ — М. ГОРЬКОМУ¹⁹
29 октября 1934. Харбин

N. A. Setnitsky

Harbin, New Town
Post, box 91

29—X 1934

Многоуважаемый Алексей Максимович.

Только сейчас в мои руки попал, правда, неполный комплект Литературной Газеты, содержащей отчеты о съезде писателей²⁰. Вам пришлось в деле организации и проведения этого съезда сыграть исключительную роль. Я всегда думал, что одна из важнейших задач в деле приступа к преобразованию мира является объединение деятелей искусства и художественного слова в первую очередь. Мне пришлось писать о месте художника, в ряду деятелей других категорий. Книжка «О конечном идеале» Вам послалась²¹ и там можно найти мои утверждения по этому поводу.

Чтение материалов съезда заставило меня задуматься о многом из того, что уже сделано Вами за эти годы. Для меня исключительно важным было, что за последнее пятилетие дважды в печати Вы упомянули имя Н. Ф. Федорова²².

Но, конечно, не менее значительным является то, что Вами сделано и помимо упоминания этого имени. Попытки мои и моих друзей с 1918 по 1928 г. провозгласить лозунг борьбы с природой в качестве основной задачи нашей современности, поставить вопрос об единстве умственного и физического труда в деле строительства культуры и другие не имели успеха²³. Теперь, благодаря Вам, они не только провозглашены, но стали программными элементами происходящего у нас строительства. Ваше значение и роль в этом деле достаточно велики, и Вы лучше многих это знаете. Но вот теперь, когда ряд идей «общего дела» стали и становятся действительностью и осуществление их идет уже по определенному руслу²⁴, мне кажется необходимым сосредоточить внимание на новых, более далеких и, может быть, странных для широкой публики точках.

Я думаю, что ни с надвигающейся войной, ни с глубоким подспудным влечением к ней (что есть у очень многих) нельзя справиться, не сделав дальнейших шагов: лозунг борьбы с природой должен быть раскрыт и заострен в направлении необходимости борьбы со смертью до победного конца.

Я очень хорошо представляю все трудности, и общественные и индивидуальные, которые стоят на пути такого провозглашения. Уже шесть лет тому назад их пришлось испытать моим друзьям, которые стремились привлечь к этому делу общественное внимание, базируясь на имя Н. Ф. Федорова. Во взглядах даже самых атеистически мыслящих людей смерть — вещь священная и всякое покушение на нее достойно казни, а всякие вопросы о победе над смертью расцениваются нашими не по разуму рьяными людшками как беспросветная мистика и т. под. Известный Вам лично (Вы встречались с ним в 1928 году) литературный критик и поэт А. К. Горностаев (это псевдоним Александра Константиновича Горского) был арестован в 1929 году, а затем сослан, и я совершенно потерял его из виду. В таком же положении оказался и Валериан Муравьев, интереснейший мыслитель (книга его «Овладение Временем» издана в Москве в 1924 году), погибший в ссылке в Нарыме. Я не присоединился к этим людям и не испытал их судьбы в силу чисто случайных причин, задержавших меня за границей во время советско-китайского конфликта.

Конечно, выступление этого рода трудно. Вы знаете, как страшился прямо и откровенно поставить этот вопрос Л. Н. Толстой, смущаемый смехом не слишком умных людей²⁵. Вам известно, с какими экивоками и ужимками подходил к этому делу В. С. Соловьев²⁶. Я думаю, Вам придется сделать то, на что не решались эти люди. Та характеристика, которую дал Вам Николай Федоро-

вич на заре Вашей литературной деятельности²⁷, и вся Ваша последующая деятельность, в особенности последние годы, говорит о том, что Вам на этом пути обеспечен успех.

Вы, может быть, спросите: почему же это надлежит делать Вам? Почему не я или кто-нибудь из более молодых не сделают этого шага. Дело в том, что момент требует сосредоточения внимания на этом деле масс, необходимо, чтобы была понята массами задача борьбы со смертью. Я и упомянутые мною люди и говорили и говорим об этом, но наши имена ни для кого не авторитетны, и скорее могут вызвать лишь сомнения в ценности наших высказываний. Что же до Вас, то, в чем я полагаю также и Ваше мастерство, так это в исключительном умении сказать и показать дело так, что оно никого не обременяет и никого не связывает и никого не нудит.

Это последнее обстоятельство весьма важно, ибо и мой опыт и опыт моих друзей показывает, что нельзя в этом деле опираться на голый авторитет. Простая апелляция к нему, как это обычно делается, создает почву для ряда трудностей в дальнейшем продвижении. Такого рода положение, как Вы знаете, уже имело место в отношении учения Н. Ф. Федорова, когда была сделана попытка монополизировать его со стороны весьма авторитетных мистиков типа Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова²⁸. Отрывка этой вульгарной апелляции к авторитету до сего времени дает себя знать и препятствует усвоению идей «Философии Общего Дела» именно там, где она может дать наибольшие результаты, — у нас.

В то же время нельзя в этом вопросе рассчитывать на специалистов ученых, которые заняты непосредственной борьбой со смертью. Они это делают в порядке профессиональном, и сколько я ни следил за работами в этой области, часто ценнейшими, то всегда они высказываются до крайности ограничительно, умаляя свои же собственные открытия и их смысл. Они сами под гипнозом «курноски».

Это не все, о чем я хотел Вас просить, так как по обстоятельствам моего местонахождения многого нельзя отсюда писать. Поверьте, что я не стал бы беспокоить Вас с этими вопросами, если бы не ощутил их неотложности и видел бы кого-нибудь кроме Вас, кто мог бы их разрешить. Что они настоятельны, можно судить еще потому, что дважды в материалах съезда писателей я услышал ноты той же тревоги, которая обурекает меня.

Заканчивая это письмо, я позволю себе пожелать Вам всяческого благополучия и здоровья.

С искренним приветом
Н. Сетницкий <...>

М. ГОРЬКИЙ — Н. СЕТНИЦКОМУ

Не ранее ноября 1934. Москва
Черновое

Уважаемый А. А.²⁹

Будучи материалистом, я могу мыслить о борьбе со смертью только как о деле практическом, требующем экспериментального исследования.

Правительство наше, весьма чутко относящееся к идеям «фантастического» характера, постановило в 32 г. создать «Всесоюзный институт экспериментальной медицины» — ВИЭМ, цель института — комплексное изучение жизни, работы и изнашиваемости человеческого организма³⁰. Впервые за всю историю развития медицинских наук к этому делу привлечены физики, химики и впервые же обращено должное внимание на медицину Востока, для чего при институте будут организованы клиники Восточных методов изучения здорового и больного человека и будут привлечены к работе медики Монголии, Тибета и Китая. Институт строится под Москвой, это огромное строительство, на которое уже ассигновано 140 миллионов, кроме того будут созданы филиалы: в Казани, Харькове, в Сухуми — в Ташкенте, в одном или двух городах Сибири и на Шпицбергене. Под Москвой уже заготавливается материал для стройки.

В данный момент [около] вокруг института организовалось почти три тысячи крупнейших ученых различных специальностей.

Сейчас подлинным революционером в области медицины является профессор Алексей Дмитр. Сперанский³¹. Это — человек из ряда тех, которые в прошлом обычно возбуждали к своим домыслам и лично к себе ненависть всех консерваторов и чиновников науки. В скором времени выйдет его книга, в которой он подвергает критике все установившиеся в медицине теории и доказывает их несостоятельность³².

Н. А. СЕТНИЦКИЙ — М. ГОРЬКОМУ³³

3 мая 1936. Москва
Неотосланное

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович,

Уже несколько раз я принимался писать с тем, чтобы в первую очередь поблагодарить Вас за внимание Ваше ко мне, проявленное Вами во время моей болезни³⁴. Но множество всяких причин, как всегда бывает в подобных случаях, то тормозили, то просто сводили на нет эти мои попытки вступить в общение с Вами. То мне

казалось нелепым писать Вам теперь, когда расстояние между нами сократилось с 12 тысяч километров, то казались напряженными письма, то, наконец (был и такой случай), вполне готовое письмо было украдено у меня вместе с пачкой документов и т. д. Сейчас, я думаю, это письмо я не только кончу, но и отправлю. Надеюсь, что оно будет получено и прочитано Вами. Но естественно спросить: почему же, в конце концов, я все же так поздно взялся за это письмо и неужели эти задержки и затяжки были столь серьезны, что помешали мне исполнить хотя бы элементарный долг вежливости по отношению к Вам? Я не хотел посылать бессодержательное письмо — это первая причина, что же касается других, то они сводятся к следующему: я не чувствовал в себе уверенности в том, что я правильно ориентируюсь в теперешнем положении на Москве. Я уезжал отсюда в 1925 году и после десятилетнего отсутствия не хотел ошибиться в оценке. Сейчас уже год, как я в Союзе, и, кажется, осмотрелся. Должен сказать со всей искренностью, что, по субъективным оценкам, положение для меня и моих основных идей рисуется не очень благоприятно. Я много и читал, и слышал о том творческом подъеме, который царит в стране, о той заботе и внимании, которыми здесь окружена каждая творческая личность и т. д. Но в отношении себя не испытал и не испытываю ничего подобного. При этом я должен отметить, что политические и социальные моменты, равно и мои личные и материальные дела, отнюдь не влияли и не влияют на эти мои оценки. С момента моего первого соприкосновения³⁵ с советской властью (это было в 1919 году³⁶) я твердо и решительно определил свою позицию. Мой отъезд за границу был вполне легален, и работа моя там была нужна Союзу, о чем могут засвидетельствовать люди достаточно веские. Мои взгляды, от которых мне ни при каких условиях не приходилось отречься, таковы, что за 16 лет я мог отмечать, как многие из моих мыслей становились едва не программными лозунгами в нашей стране. Я думаю, что даже в тех пределах, в каких это произошло (с моей точки зрения этого мало), всякий на моем месте должен расценивать это как большое счастье. Но тем более серьезно то, что сейчас мне приходится быть неудовлетворенным. Речь идет о творчестве. До 1935 года я 22 года работал по разным вопросам в теории и практике. Писать я начал в 1913 году, в 1917 начал печататься. Только часть моей работы, исключая вопросы философии общего дела и еще нескольких тем, меня занимающих, такова, что с 1917 по 1935 год я сотрудничал в 22 газетах и журналах и количество написанных мною статей (преимущественно экономических и статистических) давно превышает 100. Я участвовал в 9 больших коллективных работах, из которых некоторые имели и имеют значительное государственное значение и опубликованию не подлежат. Оттисков от-

дельных моих статей, брошюр и книг я насчитываю 18, но это только то, что появилось за моим именем и с моего ведома. Чтобы судить о размахе моей работы, достаточно сказать, что уезжая в СССР, я уничтожил 3000 страниц из числа вещей, которые я не хотел оставлять в чужих, могущих стать враждебными Союзу руках и которые я затруднялся взять с собою³⁷. Сожжение рукописей, мучительный опыт Гоголя и Н. Ф. Федорова³⁸, мне знаком — должен сказать, что он колоссально тяжок. И вот после такого труда и такого — я думаю, что я вправе не все употребить это слово, — такого творчества, в стране, где это слово звучит из всех громкоговорителей, я уже год не сделал ничего, не написал ничего и не сказал ничего, и даже больше того — нахожусь в положении, при котором, по-видимому, не могу ничего сделать, и особенно по делу, которое считаю делом своей жизни: по борьбе со смертью. Недавно в двух шагах от одной из людных улиц Москвы я наткнулся на свежеприколотого человека, и я был в положении, когда даже в таком прямом случае не мог не только помочь, но даже остановиться, и прошел мимо.

Я думаю, что Вы, Алексей Максимович, очень много сделали на пути этой борьбы. Постороннему глазу это не видно, но Ваш анализ, непревзойденный по точности и остроте, фигуры Л. Н. Толстого³⁹, образ Булычева, Ваши статьи 1928 года о борьбе с природой с цитацией Н. Ф. Федорова и даже Ваше последнее упоминание этого имени в одной из Ваших книг⁴⁰ — все это вещи большого значения. Поэтому я с особым вниманием следил и слежу за всеми Вашими высказываниями. Это тем более важно сейчас, когда подготовка к мировой войне идет нарастающими темпами. Фашизм действительно готовит гибель мира и человечества. Побойице в Валгалле — вот завершительная цель этой системы. Для себя фашисты видят какого-то спасительного Бальдура⁴¹, но это никого не обманывает. И вот именно сейчас, мне кажется, необходима настоящая борьба за жизнь и разоблачение всех личин смерти, появляющихся на основных направлениях нашей современности. То, что сейчас ведется в этой области, совершенно недостаточно. Оно сводится к простейшему рецепту: «отрази фашиста», а чаще даже более простому: «убей его». — Мне кажется, что в этих условиях Ваша позиция, дорогой Алексей Максимович, необычайно сложна и трудна и даже противоречива. Я не могу не вспомнить Л. Н. Толстого, судьбу которого Вы воспроизводите с обратным знаком. Проблема неветшающей жизни была ясна ему, но голоса сказать это у него не хватало. Его отход от искусства и уход в благочестивую публицистику и пресную философию — все это маски, которые он одел на себя перед лицом смерти. — Я думаю, что и Вас, как и Л. Н. Толстого и как многих меньших, мучит тот же вопрос о смерти и о борьбе с ней. Как Л. Н. Толстой на этой стадии своей

внутренней борьбы разразился двусмысленным, до сего дня еще не прочитанным «Воскресеньем», так и Ваша публицистика и Ваши последние пьесы исходят из того же импульса. «Егор Булычев» с непередаваемой резкостью для умеющего читать ставит вопрос о том, что стоит религия, которая не спасает от смерти, хотя и обещает такое спасение, а «Достигаев» в своем заключении ставит вопрос: а что дает революция? м<ожет> б<ыть>, она спасет? надо попробовать?... Но вот сейчас эти постановки приобретают перед угрозой новой бойни необычайно острый смысл. Ведь в Маньчжурии за 4 года убито до полумиллиона мужчин, не считая женщин и детей, а это даже не рассматривается как война.

Вывод, который напрашивается в этих условиях, таков — больше всего в создавшемся положении виноваты сторонники жизни и борцы со смертью, ибо никто, как они и они одни должны были думать о результатах своего молчания. Я думаю, что и я слишком слаб и пассивен и слишком долго молчал и молчу, а если говорил и говорю, то в большинстве случаев обиняками. Фашизм в этом отношении только мишень — это только статист, и бить по фашизму это значит только подменивать адресата. Ведь ряд лет и коммунизм для многих искренних людей в Европе был таким же статистом, на которого они направляли свою ненависть против действительного врага. — Я думаю, что далее нельзя оставаться в неопределенном и двусмысленном положении. Невозможность нанести удар подлинному врагу ведет лишь к бесплодному раздражению и ожесточению, выливающимся в бессильной брани, которая никого не убеждает и только смущает. Я по себе знаю, что дальнейшее молчание чревато гибелью, и в первую очередь для самого молчащего. Всякая смерть всегда есть бессознательное убийство и самоубийство; для того, кто вдумывается в нее, это попытка уйти из тупика, гневная ярость скорпиона, безвыходно мечущегося в огненном кольце. Когда я разбираюсь в своих теперешних затруднениях, болезнях и бедствиях, обступивших меня, то в себе самом я вижу это скрытое желанье уйти с поля битвы (хорошо и соблазнительно сказать: ведь я кое-что сделал и ухожу под давлением превосходящих сил врага). До 1925 года в Союзе у меня были друзья, с которыми я мог говорить на эти темы, кое-что проектировать и осуществлять. Десять лет я работал и боролся в одиночку. Но вот сейчас весь вопрос заключается именно в этом — можно ли дальше действовать в одиночку? Трагизм этого вопроса заключается в том, что ставить его приходится в стране, строящей новый мир. Трагично то, что никто из строителей социализма не рискует сказать, что без борьбы со смертью нельзя и думать о социализме и что коммунизм не может быть построен без победы над смертью. Поразительно и то, что во всем этом строительстве нет никого, кто бы ясно и понятно сказал, что пози-

ция в отношении смерти есть прежде всего позиция самооценки и оценки того дела, которое делает человек.

Мне думается, что Вы, Алексей Максимович, сейчас единственный человек в Союзе, который прямо и ясно видит врага, с которым надо бороться. Ваша напряженность и острое раздражение, которое прорывается в Ваших статьях, свидетельствует для меня, что Вам трудно бить по манекену. Я думаю, что, может быть, Вам, как и мне, было бы полезно повидаться. — Я не решался говорить и даже думать о встрече с Вами, хотя и Степан Гаврилович Скиталец⁴² и Николай Васильевич Устрялов передавали мне о Вашем внимательном ко мне отношении. Я даже должен был бы поблагодарить Вас за посылку ко мне доктора во время моей болезни, но я не хотел прийти к Вам лишь для формального знакомства, едва ли не в порядке визита. Но сейчас мне думается, такого рода встреча была бы плодотворной, поскольку не только я мог бы почерпнуть от Вас некоторые указания относительно места, где я сделал бы максимум того, что можно сделать, но со своей стороны мог бы познакомить Вас с тем, как и что можно сделать в одиночку на пути столь странном для современного человека.

Я работаю сейчас на М<осковско->Каз<анской> ж<елезной> д<ороге> в плановом отделе, но не знаю, долго ли буду работать там. Я бы очень просил Вас подтвердить получение этого письма, и если Вы захотите меня видеть, просил бы сообщить, где и когда могла бы состояться наша встреча. В случае чего я мог бы даже поехать к Вам в Крым, если в это лето Вы не думаете жить под Москвою.

Примите мои лучшие пожелания всяческого благополучия и здоровья.

Н. Сетницкий

